

Тропик Козерога

Автор:

Георгий Бекесов

Тропик Козерога

Георгий Бекесов

В жизни всегда найдётся место чему-то очень необычному и захватывающему. Мог ли предполагать провинциальный парень Василий Кистенёв, что разговор со случайным полуночным прохожим вовлечёт его в противостояние оборотней и вампиров могущественной империи?

Георгий Бекесов

Тропик Козерога

Клубились тучи, ветер выл, и мир дышал распадом

В те дни, когда мы вышли в путь с неомраченным взглядом.

Наука славилась своим нулём, искусством правил бред;

Лишь мы смеялись, как могли, по молодости лет.

Уроливый пороков бал нас окружал тогда —

Распутство без веселья и трусость без стыда.

Гилберт Кийт Честертон

О том, что где-то есть окраина —

Туда, за тропик Козерога! —

Где капитана с ликом Каина,

Легла ужасная дорога.

Николай Гумилёв

Пролог

Центральная улица была полна народа, спешившего поскорее уйти из города. Унылая процессия потерявших надежду людей, тащивших на себе бесчисленные чемоданы и узлы с вещами, шла в сторону порта, где последние корабли были готовы покинуть бывшую цитадель контрреволюции. День, как назло, стоял чудесный, и весёлое весеннее солнце светило с безоблачного неба, словно сама природа издевалась над людьми, отказываясь завершать трагическую картину последних дней.

С краю людского потока шёл человек в чёрном плаще, пригнув своё лицо, словно боялся быть узнанным кем-то из толпы. В отличие от остальных, он не нёс с собой никаких вещей и, хотя шёл в одну сторону с беженцами, из города он уходить не собирался, по крайней мере, в ближайшее время. Он нырнул в узкий переулок, где наткнулся на нескольких ополченцев, детей, одетых не по росту, в старые солдатские шинели. Они были из частей, которые Совет, похоже, всерьёз рассчитывал выставить на защиту города. Те проводили его настороженными взглядами, взявшись за ремни винтовок, висевших у них за плечами.

Но человеку в плаще было не до них, у него в этом городе была своя цель, а всё остальное он почитал за декорации. Он дошёл до ничем не примечательного трёхэтажного дома с обшарпанными стенами и вошёл внутрь. Поднимаясь по лестнице, выхватил пистолет и, держа его в согнутой руке, осторожно прошёл по коридору на втором этаже. Прижался спиной к стене возле одной из дверей и

громко прокричал:

– Мессеир, ещё не поздно, откликнись!

В ответ была лишь тишина. Незнакомец подождал минуту, после чего повернул ручку – дверь была открыта. Он медленно вошёл в квартиру, держа пистолет наготове, но в квартире было пусто. Не было ни пыли, ни беспорядка, всё лежало на своих местах, и только занавеска развевалась, поднимаемая ветром из открытого окна. На кухонном столе лежала записка, написанная аккуратным почерком на обрывке бумаги. Незнакомый подошёл к столу и медленно взял листок, принявшись медленно читать написанное. Лицо его во время чтения быстро мрачнело, а написано в записке было следующее:

«В тот момент, когда кто-либо будет читать эти строки, меня, если всё получится, уже не будет на этом свете. Я и без того тянул с этим, поддавшись, как и многие другие, иллюзиям относительно того, что ещё не всё потеряно и что нашу страну ещё можно вернуть. Впрочем, изначально это было вполне возможно, но теперь всё кончено, и сопротивление потеряло всякий смысл. Рано или поздно это должно было произойти, и глупцы те, кто считал иначе.

Я должен признать, что наши враги постепенно научились на своих ошибках. У этих тварей наконец-то появилось подобие организованной армии, так что теперь поздно что-либо предпринять – наш момент был упущен. Наше сопротивление превратилось в агонию, и моё участие в дальнейших событиях уже ничего не изменит. Того, что я видел, хватит с лихвой. Видел, как рухнул фронт на юге, как отступление превратилось в бегство. Через синие мосты перешла едва ли треть от имевшихся у нас на левом берегу реки войск, и повстанцы будут в городе со дня на день, положив конец этому фарсу, что теперь называют Саратовской эпопеей. Мы проиграли и должны с гордостью принять поражение, как и подобает мужчинам.

Что бы впоследствии не говорили, но я сражался до конца, как и был должен, покинув армию лишь в самый последний момент, когда поражение стало свершившимся фактом. Я уйду из этого мира без сожаления, ибо едва ли здесь осталось то, о чём я могу сожалеть, и что мне будет трудно оставить. Я надеюсь, что мой поступок не будет воспринят как проявление трусости или малодушия, благо ранее мною не раз было доказано отсутствие у меня хотя бы этих пороков.

Так что теперь мне осталось только сказать: «Прощайте, я сделал всё, что был должен сделать, и куда больше, чем мог сделать человек».

Верный своему долгу и отчизне Мессеир Крейтон».

Человек в плаще отложил записку и положил пистолет рядом с ней, опершись о край стола руками, он посмотрел куда-то вдаль. Его лицо уже перекашивала злоба, чтобы успокоиться, он три раза глубоко вздохнул и, опустив взгляд, произнёс одними губами: «Поздно».

Вдруг он разразился страшным кашлем, согнулся в три погибели, едва не падая на пол, перенес свой вес на одну руку, которой он оперся о край стола, вторую он держал около рта. Выпрямившись, он увидел своё отражение в трюмо, стоявшем в дальнем углу комнаты, перевёл взгляд на руку, испачканную в липкой кровяной жижице, и, вновь посмотрев в зеркало, улыбнулся сам себе измождённой озлобленной улыбкой, одной рукой взяв пистолет. Времени у него оставалось мало, но этого должно было хватить, чтобы исправить самую страшную ошибку в его жизни.

Часть первая. Странник

Камень, который отвергли строители, соделался главою угла.

Псалом 117:22

Глава 1. Встреча на ночных улицах

Он быстрым шагом шёл в полумраке по маленькой улочке, недалеко от городского центра, вдыхая холодный ночной воздух. Идя через весь город, он не отважился появляться на центральных улицах, опасаясь милицейских патрулей.

Он не был ни вором, ни убийцей и едва ли где за ним числилось мелкое хулиганство, обычный юноша, ученик старших классов Василий Кистенёв, чьё единственное преступление было в том, что он вышел на улицу после одиннадцати часов.

Постепенно, по мере того как хмельной туман рассеивался в голове, юношу всё настойчивее и настойчивее преследовала простая мысль: какого чёрта он пошёл пешком. Теперь уже Василий понимал, что заплатить какую-то сотню таксисту было бы куда лучше, чем пробираться по улицам, шарахаясь от каждой тени, при этом немало рискуя попасть в руки к полиции, и это сейчас, когда он находится не в самом трезвом состоянии. Последствия этого он не хотел себе даже представлять.

Он уже подходил к своему дому и нырнул в проход между двумя высокими красными девятиэтажными зданиями, оказавшись во дворе. По краям заасфальтированной дороги, проходившей вдоль дома, как всегда было полно припаркованных машин. По другую сторону от здания располагался пустой двор, с несколькими недавно поставленными детскими каруселями, смотревшимися как-то угрюмо в ночном полумраке. А дальше темнели кусты и густые заросли высокой травы, обозначая ближний край оврага.

И когда до двери подъезда оставалось каких-то полсотни шагов, он услышал из-за спины резкий окрик, тот самый, который так боится услышать каждый, идя по ночному городу:

– Эй пацан, слышь, притормози-ка.

Василий остановился, медленно повернул голову. Тело тут же сковал страх, сердце начинало стучать всё быстрее, а туман в голове развеялся моментально. Со стороны двора к нему быстро приближалась группа из четверых парней не самой интеллигентной внешности, троим было лет по семнадцать, четвёртому возможно чуть побольше, он-то похоже и был их вожаком. Они один за другим лихо перемахнули через ограду детской площадки и веером разошлись по заасфальтированной дорожке, словно хотели окружить свою жертву.

– За шмот поясни, – произнёс главный, надменно-ироничным голосом и среди его товарищей пронёсся смешок.

Вместо того, чтобы ответить, Вася быстро прикрыл правой рукой патч на рукаве, хотя прекрасно понимал, что они просто издеваются над ним, якобы найдя повод. Он пустым взглядом посмотрел на главаря противников, словно ни черта не понимал, кто перед ним и чего они добиваются. Затем он осуществил единственный из приемлемых, как ему казалось, вариантов поведения в подобной ситуации: он бросился наутёк.

Кистенёва нельзя было назвать хорошим бегуном, но при желании и хорошей мотивации он мог показывать весьма неплохие результаты, и это был как раз тот случай. Дверь его подъезда быстро осталась позади, а вскоре и весь дом, однако Василий не обратил на это внимания, впереди он уже видел мощное жилое здание, стоящее углом, и тёмный силуэт трансформаторной будки, около которой дорожка сворачивала в сторону оврага и проходила чуть в стороне под аркой.

Он не знал, догоняет ли его погоня или наоборот отстаёт, оборачиваться было слишком рискованно, но по какому-то почти физическому чувству на спине точно понимал, что так просто его не оставили. Дыхание уже начинало сбиваться, в правом боку появилась сильная режущая боль, он чувствовал, что слишком резко начал и долго в таком темпе бежать не сможет.

Внезапно юноша увидел перед собой идущего навстречу мужчину в чёрном плаще. Кистенёв резко сдвинулся в сторону, едва не столкнувшись с ним, но скорости не замедлил. Лишь, когда он добежал до того места, где дорожка сворачивала вправо, то, развернувшись, при этом чуть не врезавшись в ограду и не перелетев туда, где по идее должна была находиться клумба, вдруг заметил краем глаза, что погоня отстала.

Действуя машинально, он спрятался за трансформаторной будкой, прямоугольным строением с обшарпанными кирпичными стенами, ржавыми дверцами с надписью «Не влезай – убьёт», оставшимся в этом районе ещё от старой советской застройки.

Василий встал с краю и аккуратно взглянул из-за угла. Сердце всё также бешено колотилось, горло сжимало, будто стальным обручем, и холодный ночной воздух наждаком проходил по нему изнутри, а в правом боку нестерпимой резкой болью отдавала печень, а ведь он пробежал всего пару сотен метров, зато как пробежал. Благо его преследователи неожиданно остановились на полпути и по неизвестным причинам переключились на новую жертву – того самого мужчину в

чёрном плаще, которого Кистенёв чуть не сбил, убегая от них. Неизвестно, что так привлекло ночных хозяев двора в этом человеке, но они явно были разозлены, и для незнакомца дело принимало крайне скверный оборот. Но тот, несмотря ни на что, был абсолютно спокоен и невозмутим.

Василий, по правде говоря, был одновременно и неописуемо рад своему совершенно неожиданному спасению от столь же внезапно возникшей опасности, но с другой стороны ему было откровенно жаль того несчастного, который, судя по всему, должен был сейчас очень неплохо отхватить. «Господи, что же ты творишь, идиот, – думал Василий, продолжая смотреть из-за угла, – хоть не напрашивался бы, кретин...»

Далее всё произошло стремительно, парень, заходивший за спину человеку в плаще, вдруг согнулся, издав жуткий возглас и схватившись обеими руками за живот. В следующее мгновение двое парней, стоявших по бокам, упали, ещё один бросился бежать и, перепрыгивая через ограду, споткнулся и рухнул лицом вниз. Их главарь, похоже, пытался ударить незнакомца, но тот как-то хитро извернулся, ушёл в бок и в следующую секунду отлетел в сторону прямо на ступеньке крыльца подъезда. Вскрикнув от боли, он тем не менее встал и бросился на того, кто, казалось, был у них в руках всего минуту назад. Но, спустя мгновение, главарь дворовой шайки рухнул на землю у ног человека в плаще, издавая жалкие, не то стоны, не то подвывания.

Василий не заметил как, сделав всего шаг, вышел из-за своего укрытия. Мимо, согнувшись, петляя из стороны в сторону, что-то бормоча под нос, ковылял тот парень, что принял удар первым. Его кепка слетела, обнажив голову с коротко остриженными волосами, он всё ещё держался обеими руками за живот, а за ним по асфальту тянулся тёмный след, лишь на площадке под фонарём показывая свой истинный красный цвет.

Василий, ничего не понимая, продолжал смотреть на теперь одинокий силуэт человека в плаще, и на миг показалось, будто он видит хитрую улыбку на лице незнакомца. Тот в свою очередь заметил беглеца, и, сделав шаг ему навстречу, произнёс слова, от которых по спине Кистенёва забегали мурашки:

– Я извиняюсь, но...

Дальше Василий уже ничего не слышал, ноги уже несли его в сторону, мимо трансформатора к оврагу, а в голове только повторялись одни слова: «Нечестно. Нет. Так не бывает. Нет. Нечестно!»

Курцевский овраг пользовался в городе дурной славой, то ли там кто-то пропал, то ли наоборот был кто-то, кого быть не должно, но он был частым предметом разного рода городских легенд, что иногда вспоминают в компании ради красного словца, дабы было о чём поговорить. В истории эти, разумеется, никто не верил, но от оврага всё же старались держаться подальше. Однако сейчас это не беспокоило нашего героя, он знал лишь одно: там можно спрятаться. Человек в плаще, не теряя времени, бросился параллельно с ним в сторону оврага.

Василий быстро миновал заросли кустов и травы, не разбирая дороги перед собой, понесся вниз по склону. Случайно выбежал на какую-то тропинку и машинально двинулся по ней, не понимая, что она направлена как раз в сторону, где идёт дорога его преследователя. Он с ужасом заметил, как наверху, среди тонких стволов деревьев, в лунном свете мелькнула зловещая тень.

И то ли его нога поскользнулась в грязи, то ли он врезался в один из растущих на склоне стволов, но так или иначе он почувствовал сначала удар в бок, а потом кубарем покатился вниз. К счастью, катиться пришлось недолго, и Кистенёв отделался лишь ушибами, ссадинами и вымазанной в грязи одеждой. Последнее, как ни странно, расстроило его больше всего из произошедшего.

Василий обнаружил себя лежащим близ зловонного замусоренного ручья, протекавшего по дну оврага. Юноша попытался подняться, но тут же понял: поздно. Чуть в стороне мелькнул тёмный силуэт, и человек в плаще, зацепившись одной рукой за тонкий, косо стоящий ствол, как за перекладину, лихо приземлился на дно оврага, встав перед испуганным беглецом в полный рост как раз в том месте, где землю освещал шедший сверху лунный свет. Незнакомец медленно сделал шаг вперёд, случайно наступив на валявшуюся на земле пластиковую бутылку, и та сжалась, издав характерный звук, прозвучавший особенно неприятно в наступившей ненадолго тишине.

Только тут Вася понял, что никакой это не мужчина, а обыкновенный подросток, ровесник ему самому, в лучшем случае на год- другой старше. Это обстоятельство в какой-то степени одновременно пугало, и, с другой стороны, вселяло уверенность, заставляло смотреть на незнакомца как на равного

противника, несмотря на то, что произошло несколькими минутами ранее.

И это воодушевление всё-таки взяло верх. Рука юноши уже потянулась к карману, где должен был лежать свинцовый кастет, а в голове тут же начал прокручиваться сценарий, где он, Кистенёв, быстро вскакивает и одним ударом в челюсть вырубает противника, благо на этот раз он всего один. Но тут возникла проблема: кастета на месте не оказалось.

Парень в плаще, тем временем, стоял всё на том же месте и, сделав успокаивающий жест рукой, произнёс по-русски, но с каким-то странным едва заметным акцентом: «Сударь, успокойтесь, я не желаю причинять вам зла.»

Но Кистенёв плевать хотел на всех его сударей, и что он там желает, в голове крутилось только одно: «Где кастет? Где, чёрт возьми, кастет?». Он отчаянно просматривал землю вокруг, он должен был быть где-то здесь, скорее всего, выпал при падении по склону.

И, наконец, он увидел спасительный блеск белого металла посреди грязи, в паре метров от противника. Мысленно поблагодарив самого себя за то, что взял именно свинцовый, белый кастет, Василий, резко сорвавшись с места и быстро подняв своё оружие из грязи, тут же отскочил в сторону, надевая его на руку.

«Ну всё, сучара, теперь играем по моим правилам,» – произнёс он, дёргая рукой, имитируя короткий удар, голосом, конечно, не столь жёстким как хотелось бы, но это было не главное.

Человек в плаще, несмотря ни на что, являл собой просто образец невозмутимости, на лице его отобразилось разве что какое-то странное разочарование и раздражение.

– Друг мой, – сказал он спокойным голосом, которым дают обычно дружеский совет, – никогда не стоит доставать оружие, даже столь безобидное как это, в противном случае это может быть чревато...

– Закрой пасть, иначе щас всеку, – спокойствие противника окончательно вывело Кистенёва из себя, и он почувствовал, как сам вдруг временно превратился в представителя того рода людей, от которых только убегал по двору, но едва ли это казалось ему минусом в сложившейся ситуации.

– Ещё раз повторяю...

– Ну, всё!

И в этот раз он ударил, ударил правда не в полную силу, рассчитывая нанести что-то вроде предупреждающего удара, но в то же время рука двигалась достаточно быстро, чтобы оставить противнику маленький шанс увернуться.

Всё прошло совершенно не так как планировалось. Рука ушла в пустоту, а ноги в тот же момент подкосил слабый, но чёткий удар и Василий поймал себя на том, что повис в воздухе совершенно без точек опоры. Однако, едва только он это осознал, как рухнул лицом в ручей недалеко от того места, где недавно лежал. Самое страшное при этом, что правая рука продолжала идти впереди туловища, и он всё же нанёс удар кастетом, очень хороший удар, в который был вложен почти весь его вес, но вот удар этот пришёлся по лежащему в воде камню. Мягкий металл сжался, больно прищемив пальцы. Василий перевернулся на спину, схватившись за руку.

Человек в плаще недвижимо возвышался над ним чёрным силуэтом. Вдруг он выхватил что-то обеими руками из-под плаща, и в лунном свете блеснули два длинных ножа, хотя скорее их следовало назвать маленькими мечами, сантиметров по пятьдесят длиной.

Кистенёв понял, что его разум отказывается выдвигать какие-либо идеи по поводу происходящего, слишком уж резко переменилось положение вещей, слишком уж бредово это всё было, да и, судя по всему, сейчас существованию разума придёт конец.

Два лезвия вошли в дно ручья по бокам от Васиной шеи, так что клинки образовали над ней букву «X», лишая лежащего под ним человека возможности подняться. И хотя были на лицо театральность и бутафорство подобного метода обездвигить противника, вставать Кистенёв уже не собирался.

«А теперь, друг мой, – подчёркнуто флегматично произнёс парень в плаще, властно и одновременно презрительно смотря на разлэгшегося у его ног Василия, – думаю, теперь мы можем поговорить как взрослые, цивилизованные люди. Видите ли, всё, что мне от Вас нужно, это немного общей информации о

том мире, в котором мы сейчас с вами находимся, и прежде всего, ответ на один вопрос: что же всё-таки обозначает Ваша одежда!»

Глава 2. Что-то страшное грядёт

На следующее утро Василий проснулся достаточно рано. Обычно после шести учебных дней, в которые он был вынужден не свет не заря насильно выдёргивать себя из кровати и полусонным идти в школу, воскресенье было единственным днём недели, когда он мог, наконец, выспаться. И он этой возможностью пользовался вдоволь.

Но сейчас всё было иначе. К похмелью, хоть и слабому, но вызывающему вполне определённые неприятные чувства, добавилась боль по всему телу, как напоминание о произошедшем вчера вечером во дворе. Особенно досаждали ссадины на локтях и коленях, и сильный ушиб на спине, возле правой лопатки, так что даже лежать можно было, повернувшись на левый бок.

Он встал не сразу и как обычно около получаса провалялся в кровати. Когда он всё-таки вышел на кухню, отец его уже собирался уходить, и, сидя за столом, прямо в деловой рубашке, допивал чашку чая, при этом, как обычно, не вынимая ложки. Василия, конечно, обрадовало, что отец уходит, и теперь не придётся выслушивать его нравоучения сколь-нибудь продолжительное время, хотя и понимал, что избавиться от них совсем не удастся: ему никогда не удавалось от них избавиться, ни в одно из воскресений за последние несколько месяцев.

– Доброе утро, – произнёс отец с назидательной издёвкой в голосе.

– Доброе утро.

Василий пододвинул стул и присел за стол сбоку, чтобы не смотреть на отца. Тот тоже не смотрел на сына и, лишь допив чай, безразлично произнёс:

– И где тебя угораздило так вчера извозиться?

– Говорю же, упал.

– Упал? Куда, в Курцевский овраг?

– И как ты догадался.

Отец недовольно посмотрел на Василия, встал из-за стола, громко прошептал: «Когда же ты повзрослеешь». Он обмыл чашку в раковине и, быстро надев висевший на спинке стула пиджак, бросил на ходу:

– Мясо с картошкой в сковородке, сам разогреешь. Да, и уточни насчёт дня открытых дверей... хотя конечно можешь и здесь всю жизнь оставаться, тебе, я так вижу, наплевать.

Василий остался сидеть на кухне. Приглушённо хлопнула входная дверь, оповещая о том, что он остался один в квартире.

Последние слова про «день открытых дверей», по какой-то неведомой ему самому причине окончательно нагнали на него странную грусть. Василию было знакомо это чувство, оно преследовало его постоянно, отступая только тогда, когда он напивался с друзьями и забывал обо всём. Словно впереди был туман, и за этим туманом не было ничего, кроме могильного креста в конце пути, но путь этот нужно было пройти, зачем – неясно, но выбора не было. И всё сильнее его мучил в последнее время вопрос: «Зачем?» Он задавал его себе каждый раз, когда просыпался утром в школу, где все уроки сидел в интернете, или просто убивал время при помощи телефона, дожидаясь звонка, чтобы потом прийти домой и делать то же самое дома. А теперь ещё он вспомнил, что и этому скоро придёт конец.

В этом свете мысли о вчерашней встрече приобрели какой-то странный оттенок, хотя сам юноша не придавал случившемуся большого значения, пребывая в странной уверенности, будто он больше никогда не встретится с этим человеком. Попытки найти объяснение способностям таинственного человека в чёрном плаще ни к чему не привели. На миг Василию показалась привлекательной теория о том, что это был так называемый ролевик, один из тех, что бегают по лесам, разыгрывая средневековые сражения, но потом отмёл эту версию, как не имеющую доказательств, ибо клинки у незнакомца никак не походили на бутафорские. Варианты о спецназовце и бойце спецслужб явно не выдерживали никакой критики, так как хоть тот человек и был постарше, чем показалось сначала, вряд ли он подходил по возрасту, да и опять же эти клинки.

А потому, решив, что единственное подходящее название для этого странного типа будет разве что странный тип, Кистенёв просто выкинул этот случай из головы, проводив его глубокомысленной усмешкой.

Василий включил на всю квартиру музыку, зашёл в интернет, как обычно проводя свои дни беззаботно и бессмысленно, ненадолго взял книгу, которую ему дал Семелесов, но, прочитав несколько страниц, отложил в сторону, хотя роман был на самом деле неплохой. По телевизору тоже не было ничего интересного, разве что сообщение региональных новостей о нападении на полицейских в его районе прошлой ночью удивило Кистенёва. Где-то в четвёртом часу написали друзья и выдернули его на улицу. Зайдя поесть в одно из дешёвых кафе на центральной улице, они долго слонялись по городу, в основном вспоминая подробности вчерашней «вписки».

Домой он возвращался уже под вечер. Сидя в автобусе у окна, понуро склонив голову, он смотрел на клонящееся к закату солнце, то и дело закрываемое росшими вдоль дороги деревьями. Когда он вошёл в квартиру, то не прошло и пяти минут, прежде чем он поссорился с отцом. Причина была столь пустяковая, что стыдно рассказывать, хотя сам Василий сомневался, что она была, да и по большому счёту ему было без разницы.

Василий тихо выскользнул из квартиры и быстро поднялся по лестнице на последний этаж, где находился выход на крышу. Тяжёлая металлическая дверь с внушительным массивным замком никогда не запиралась, да и будь иначе, всё равно ключи от неё имелись у всех жильцов, их с отцом ключ всегда находился при юноше.

Когда Кистенёв поднялся на крышу, начинало темнеть. Внизу на улице уже загорались цепочки фонарей, а по другую сторону от дома Курцевский овраг проваливался во мрак. Василий подошёл к краю, достал пачку сигарет и закурил. Он всегда приходил сюда, когда на душе становилось особенно паршиво. Открывающийся здесь вид города и ощущение простора, которое давало высота, если не успокаивали, то хотя бы отвлекали от дурных мыслей.

Вечерняя прохлада проникала насквозь, и в воздухе был заметен пар от дыхания. Ветер заставлял вздрагивать при каждом своём порыве. Вдруг знакомый голос со спины окликнул юношу:

– А отсюда и вправду открывается неплохой вид.

Василий резко обернулся. Перед ним стоял тот самый человек, встреченный вчера на улице. Он был одет во всё тот же чёрный плащ, но на этот раз Кистенёв смог разглядеть его внимательно. Под плащом на незнакомце был тёмный свитер и брюки, заправленные в сапоги, наподобие солдатских. Василий обомлел, сигарета выпала из рук и свалилась за край, медленно полетев вниз на землю. Незнакомец, тем временем с флегматичным выражением лица подошёл к ограждению и присел на него, заложив ногу за ногу так, что выстроил ими некое подобие четвёрки. Не меняя выражения лица, он взглянул вниз, чуть откинувшись назад, так что у Василия, глядя на это, перехватило дух. Тут незнакомец посмотрел на него, его лицо вдруг приняло серьёзное выражение.

– Кто вы такой? – сбивчивым голосом проговорил Кистенёв.

– Вы уже задавали этот вопрос. К сожалению, пока я не могу подробно ответить на него.

– Пока? – Василий медленно опустился на край ограждения, с внутренней стороны, продолжая вздрагивать при каждом порыве ветра.

– Здесь всё зависит от вас, друг мой. А пока считайте меня всего лишь одиноким странником, или... хотя нет, думаю, сейчас странник лучшее имя для меня, да, Странник.

Кистенёв тут же нахмурился, он никак не мог понять, кто такой этот человек. А его манера говорить? В любой другой ситуации Василий принял бы говорящего за придурка, но этот придурком не был, и его слова только придавали ему таинственности. А разве может что-то пугать больше?

– На кой чёрт я вам понадобился, я уже рассказал всё, о чём вы просили.

– Будем говорить так: вы мне интересны. Мой вопрос относительно положения дел в этом мире имел двоякую цель, ибо характеристика мира человеком характеризует не только мир, но и человека её дающего. Вы ведь его ненавидите...

– Кого?

– Как кого? Мир, особенно мне понравилась фраза про дешёвое изобилие.

Кистенёв и сам не понимал, почему вчера он произнёс фразу, которую постоянно повторял дурак Семелесов, но этому типу она, похоже, пришлась по душе.

– У вас всё-таки есть некий потенциал, и я намерен его использовать, если вы, конечно, согласитесь пойти со мной, – продолжал незнакомец.

– С чего мне идти с вами, о чём вы вообще говорите.

– Потому что я дам вам то, чего вы хотите больше всего, – произнёс незнакомец заговорщическим тоном, наклонившись чуть вперёд. – Весёлую жизнь, свободу.

– Свободу, я и так...

– О нет, – незнакомец довольно ухмыльнулся и, привстав немного, прошёлся перед Василием. О какой свободе вы говорите? Школа, дом, пьянки с друзьями, школа, дом, пьянки с друзьями, школа, дом... вы даже не можете сами решить, во сколько вставать поутру, когда ложиться спать, вы даже выйти в сортир не можете без разрешения, и ещё что-то говорите о свободе. О нет, друг мой, – тут он развернулся, посмотрел на Василия, разведя руки в стороны и хлопнув ими по бокам. Возможность раз в четыре года поставить галочку напротив имени одного из двух болтунов в дорогих пиджаках это не свобода, и уж тем более не власть. Что вы вообще знаете о мире, где вы были кроме своего дома, столицы и пары курортов в южных странах, что вы видели собственными глазами, и чему можете доверять из того, что рассказывают другие. Посмотрите на небо, что вы видите? Ничего, всё эти проклятые городские огни. Кстати, это достаточно символично в свете того, что я собираюсь сказать, но не буду останавливаться. Там вы видите не звёзды, разбросанные по космосу, не бесконечный простор, вы видите сферу, огромную небесную сферу, на которой рассыпано шесть тысяч мерцающих огней. Для вас они все лежат в одной плоскости, и вы не знаете, какая дальше, какая ближе и которая из них ярче. Так не задумывались ли вы о мире, смотря всё время из одной точки, что это была лишь иллюзия, оптический обман, и нужно было посмотреть под другим углом, чтобы понять, что всё это представляет собой на самом деле. Вот что я вам предлагаю, друг мой, посмотреть на звёздную сферу извне.

Василий пристально посмотрел на незнакомца, а потом произнёс, поднимаясь.

– Вот сейчас прямо разбежался.

И лишь пройдя мимо него, обернулся, спросив:

– Сколько тебе всё-таки лет?

– Вам это действительно интересно? – он вновь присел на край, его лицо погрузнело, и он опустил голову и сказал тяжело вздохнув. – Будем говорить так: я не столь молод, чтобы не видеть впереди смерти, и не настолько стар, чтобы видеть там только её.

Василий молча развернулся и уже направился к двери, но, как только он подошёл к ней, странник опять окликнул его. Он встал и медленно шёл навстречу:

– Я понимаю, сейчас вы не приняли мои слова всерьёз, – его голос вдруг сделался необычайно жёстким, и в нём даже появилась хрипотца. – Но прежде попробуйте ответить себе на вопрос: ради чего вы живёте и ради чего готовы умереть? Если что, завтра в три я буду обедать в кафе «За углом». Это недалеко отсюда, там вы меня и найдёте.

Василий быстро спустился по лестнице, вошёл в квартиру и проскочил в свою комнату, благо отец уже задремал, сидя на диване в гостиной. Перед тем как лечь спать поставил на телефоне будильник. В кровати в его мыслях вдруг стали отчётливо повторяться слова того типа: почему вы живёте и ради чего готовы пойти на смерть? Если бы он знал, что вскоре будет спрашивать себя о том, зачем повторил этот вопрос, а не выкинул просто из головы. Но нет же, ему вдруг самому стало интересно и непременно захотелось найти ответ.

Глава 3. Охотник выходит на след

Следователь присел за стол и бросил презрительный взгляд на сидящего напротив юнца, который разве что не трясся от страха. Он достал лист белой бумаги, ручку и щёлкнул кнопкой, выдвигающей наружу стержень.

– Пиши всё, что знаешь, и даже не думай ничего скрыть, – произнёс он, не глядя на парнишку.

– Я ведь ничего не делал, я... я пытался их остановить, я ничего...

– Мы разберёмся, – произнёс следователь, поднимаясь из-за стола. – А пока просто пиши, и не вздумай брехать. Про дачу ложных, надеюсь, тебе не надо напоминать.

Он подошёл к окну, ещё раз бросив презрительный взгляд на юношу, нерешительно смотревшего на листок перед ним, перевёл взгляд на улицу, залитую светом весеннего солнца. По правде говоря, он немало удивился, когда к ним в отделение заявился вот этот парень и сказал, что может кое-что рассказать о нападении на патрульных в центре города позапрошлым вечером. От такого как он скорее всего можно было ожидать только сидения дома в панике и надежде «авось пронесёт», но нет же пришёл. Хотя, конечно, следователю надлежало быть благодарным пареньку за то, что тот лишил его большей части работы по прочёсыванию городского дна. Если что он испытывал, так только презрение к этому сопляку, полезшему в компанию, от которой ему надо держаться как можно дальше.

Вдруг он услышал голос из-за спины. Голос этот был похож на голос мальчишки, но при этом звучал слишком твёрдо и уверенно, так что казался совершенно незнакомым:

– На данный момент, друг мой, вы совершили как минимум три крупные ошибки, – когда следователь обернулся, он увидел что «стукач» уже вальяжно сидит, откинувшись на спинку стула, теребя в руках ручку, которой должен был в этот самый момент строчить признание. – Первой вашей ошибкой было то, что вы остались со мной один на один, но это в силу некоторых обстоятельств объяснимо и, я бы даже сказал, простительно. Но вот вторая ошибка: вы взяли с собой табельный пистолет, тем самым значительно облегчив мою задачу. Ну и третья ошибка...

– Ты что, ублюдок, думаешь, я с тобой в игры играю, ты ещё шутить тут вздумал, – такой наглости господину следователю ещё не приходилось видеть тем более от такого хмыря.

Его лицо вдруг очутилось напротив лица паренька, но тот продолжал невозмутимо смотреть в глаза мужчины, повернувшись боком к столу. Всё произошло мгновенно. Жуткий удар под дых, через мгновение рука следователя была заведена за спину, где тут же очутился «стукач», ещё через мгновение мужчина уже был прижат к собственному столу, и в лицо ему упирался его собственный пистолет. Следователь, было, захотел закричать, но только он открыл рот, как подросток прижал ствол плотнее и произнёс шёпотом: «Тихо-тихо-тихо», – после этого, недвусмысленно поцокав языком. Он внезапно извлёк из кармана иголку с небольшим утолщением на конце и, откусив противоположный её кончик, ткнул ею в руку своей жертвы.

После этого паренёк медленно отпустил руку следователя и осторожным шагом отошёл назад, держа пистолет в согнутой руке так, что голова полицейского постоянно находилась на прицеле. Он пододвинул стоявший у двери стул и спокойно присел на него, заложив ногу за ногу.

Следователь приподнялся со стола, недоумевая, посмотрел сначала на укол на руке, потом на подростка с пистолетом и тихим голосом, практически переходящим в шёпот, чтобы не показалось, будто он поднимает тревогу, проговорил слова бессмысленные, но единственные пришедшие ему на ум:

– Не дури, парень, положи его аккуратно на пол, ты этим ничего не добьёшься, ты ведь...

– Я ввёл вам сильнодействующий яд, – проговорил Странник, хладнокровно глядя на полицейского. – Через минуту вы почувствуете неприятное покалывание в руке, словно она чешется изнутри, далее оно начнёт распространяться по всему телу и скоро перерастёт в нестерпимую боль. Так что через некоторое время, обычно от пяти до десяти минут, вы уже будете корчиться на полу, вопя на всё отделение, но как вы понимаете, это ненадолго. Смерть наступает относительно быстро, – после этих слов он сделал короткую паузу, словно давая своей жертве время осмыслить новую информацию. – Всё что меня интересует – это материалы по делу об убийстве некоего Самойлова Петра Николаевича, которого вы так скоропалительно записали в жертвы маньяка.

- Ты сумасшедший, - проговорил следователь, потерянно смотря на подростка.

- Ваша очередная ошибка, друг мой, одно из глупейших свойств человеческого разума безосновательно записывать других в сумасшедшие. При этом можно очень легко не распознать вовремя полезного друга или опаснейшего врага. Для многих эта ошибка уже становилась роковой.

И в тот момент следователя поразило хладнокровие, с которым держался парень. Глядя на подростка, он отчётливо осознавал, что тот уже не в первый раз держит пистолет, и если понадобится, то воспользуется им тоже не впервые. Его голос не дрожал, он говорил так, словно всё это было для него обыденным. И за пистолет он не цеплялся как за соломинку, что следовало бы ожидать, он даже не смотрел на него, положив руку на перекинутую ногу, так что ствол был направлен на полицейского чисто символически. В общем, этот был явно не из тех психов, что, обидевшись на весь мир, могут достать где-нибудь пистолет, прийти в свою школу или куда-то ещё и начать палить во всех подряд, а потом пустить себе пулю в лоб, если на то хватит духа, благо что такое случается в основном за океаном.

- Что за бред, откуда мне знать... - начал было следователь, но тут же сам осёкся.

- Думаете я блефую, - глаза подростка сверкнули.

- Всё равно это дело вёл не я, у меня нет этих бумаг.

- Так достаньте их.

- Ты знаешь чем это чревато, ты хоть понимаешь... да с чего я вообще должен тебе верить.

- Да с того, друг мой, что у вас сейчас есть два варианта: первый из них предполагает риск для вашей жизни, второй - нет. И на счёт меня не бойтесь, я не обману: мне ваша жизнь без надобности.

Мужчина смотрел потерянно, всё ещё ошарашенный столь быстрой переменой ролей. Он уже чувствовал неприятный зуд в руке, и с ужасом осознавал, что

парнишка не шутит.

– Я буду ждать вас на выходе, принесёте документы – получите противоядие и свой пистолет.

После этих слов юноша поднялся и, положив пистолет себе за пояс, вышел в коридор. Он спокойно прошёл к выходу, поймав удивлённые взгляды сотрудников в синей форме, у выхода остановился перед дежурным, втолковывавшим что-то по телефону, козырнул тому двумя пальцами, заставив бросить недоумённый взгляд на недавно припиравшегося с ним подростка.

Юноша вышел наружу и, перейдя на противоположную сторону улицы, встал около тонкого ствола дерева, посаженного в ограждённый среди тротуара бордюрами квадрат земли. Через пару минут, словно заскучав, он прислонился к деревцу и тут вдруг увидел своего нового знакомого, поспешно выходявшего из здания, переходившего на бег трусцой и тут же опять возвращавшегося к быстрому шагу. Рукав его рубашки был расстёгнут, и юноша не без особого злорадного удовольствия заметил красные расчёсы на запястье.

– Вот оно твоё чёртово дело, – со злостью произнёс мужчина, передавая белую папку с бумагами, при этом озираясь по сторонам, словно боясь, что их кто-то увидит.

– Прекрасно, – с этими словами юноша отошёл от дерева и достал из кармана маленькую баночку с оранжевыми пилюлями в форме шарика.

Он откупорил крышку, сделал следователю знак подставить ладонь.

– Парочки хватит, – он отсыпал два шарика, – хотя, шут с вами, держите три, чтобы наверняка, сегодня я добрый. Кстати весьма вкусная вещь, похожа на аскорбиновую кислоту, боль она не снимет, но живы будете, только немного придётся потерпеть.

Полицейский жадно проглотил противоядие и несколько раз глубоко вздохнул. Тем временем подросток открыл папку и стал бегло просматривать бумаги.

– То, что тело убитого было сильно обескровлено, вами, я так полагаю, осталось незамечено?

– Что?

– Да так, ничего, – при этих словах подросток взял несколько листков и, свернув их, сунул во внутренний карман своего пиджака. – Думаю, теперь я могу откланяться.

– Стой, – полицейский чуть не перешёл на крик.

Подросток вновь повернулся к нему и, как бы воскликнув: «Ах, да», – протянул пистолет. После чего он снова развернулся и готов был пойти прочь, но его снова окликнули со спины, на этот раз сказано было приказным тоном:

– А вот теперь по-хорошему отдай... п-п-папку.

Юноша остановился, чуть повернул голову так, чтобы краем глаза видеть, как господин следователь направил на него пистолет, держа его в согнутой руке прижатым к туловищу, чтобы скрыть от случайных глаз.

– Я... с-с-сказ-зал... отдай...

На лице мужчины всё сильнее проступала жуткая гримаса, его рука затряслась, вскоре пистолет выпал из неё, а сам следователь рухнул на колени, скорчившись от боли. Подросток достал старомодные карманные часы и флегматично посмотрел на них. Он сделал два шага навстречу полицейскому и, чуть наклонившись, произнёс спокойным, но злым шёпотом:

– Я ведь вас предупреждал: жить будете, но боль придётся перетерпеть. Вы слишком себя переоцениваете, господин следователь, считаете себя достойным противником, а мне даже не интересно ваше имя, не то что ваша судьба. Ах если бы вы знали, с какими силами вам пришлось столкнуться... но что теперь об этом, вы свою роль сыграли прекрасно, пусть и с ненужными импровизациями. А вот теперь разрешите откланяться.

– Да кто же ты... т-такой?

– Я? Я Мессеир Крейтон, старший кандидат оперативного крыла ордена Первого Знамени, а для вас просто Странник. Всего хорошего.

С этими словами юноша развернулся и быстрым шагом двинулся прочь. На этот раз его никто не останавливал и не окликал сзади. Только жалобный стон всё усиливался и, спустя пару минут, перешёл в истошный крик. Свернув во двор, Странник боковым зрением увидел следователя, корчащегося на асфальте тротуара, напротив отделения полиции, там, где он его и оставил. Юноша достал из кармана белую баночку и положил в рот два оранжевых шарика с приятным кисло-сладким вкусом. Это вещество, называемое местными аскорбинкой относилось к тем немногим вещам, которые действительно нравились Крейтону в этом новом проклятом мире.

Едва ли следователь мог узнать о так называемых Хемертникских ядах, печально известных жуткой болью доставляемой жертве и практически полным отсутствием летальных случаев, не считая ударов милосердия. Оперативники ордена часто пользовались ими для получения сведений или как оружием нелетального характера. К счастью, у юноши остался только самый слабый из этих ядов.

Во дворе, перемахнув через низкую ограду из металлических труб, Странник двинулся наискосок, чтобы как можно скорее добраться до соседней улицы. Он прошёл мимо странной конструкции, представляющей собой квадрат из двух металлических реек, соединённых идущими между ними наискось стержнями, покоящийся на четырёх массивных столбах, сделанных опять же из металла. Бросив на данное сооружение оценивающий взгляд, он достал из кармана флягу и сделал из неё глоток жгучей жидкости, с ужасом отметив про себя, что пронесённого им ещё с той стороны отменного шенгреновского коньяка осталось «кот наплакал». Вскоре придётся полностью довольствоваться поделками производителей этого мира, тем более, что такая возможность должна была представиться в самое ближайшее время, в маленьком кафе с незамысловатым названием «За углом»

Глава 4. Встреча в кафе «За углом»

Близ перекрёстка улиц Воскресенской и Баррикадной на первом этаже непримечательного кирпичного здания относительно новой постройки располагалось заведение, ничем не выделявшееся среди других ему подобных, но имевшее славу в определённом кругу лиц. Этот круг лиц практически полностью составляли ученики старших классов, расположенных неподалёку школ за номерами 25 и 19, частенько заходявшие сюда после или вместо уроков, пропустить по кружечке тёмного. Но, разумеется, этому веселью вскоре должен был прийти конец. Доподлинно неизвестно, что всё же произошло: то ли в кафе нагрянула проверка, то ли сменился хозяин, то ли старый вдруг решил перестраховаться, но в один прекрасный день там попросту перестали наливать до тех пор, пока ты не предъявишь паспорт и не докажешь, что есть тебе всё-таки восемнадцать. С тех пор уже не раздавалось за углом весёлого юношеского смеха, заглушавшего песни их собственного радио. Встретить там можно было разве что мужчин среднего возраста из числа мелких околозаконных бизнесменов, что обсуждали там свои дела из числа не особо важных, да какого-нибудь парня с девушкой, случайно набрédших на это место во время прогулки. Но ученики вышеупомянутых школ теперь перестали ходить, как они это называли «за угол», постоянно смеясь над двусмысленностью этой фразы, заменив это более однозначным «идём на запад», подразумевая открывшийся чуть подальше «Westbar».

Но тот таинственный незнакомец назначил встречу именно здесь «За углом». Вряд ли Кистенёв мог понять, чем обусловлен этот выбор и уж тем более то, какого чёрта он пришёл на встречу, но так или иначе, придя ещё за полчаса до назначенного срока, он мирно сидел возле окна во всю стену и медленно допивал чашку раскаленного кофе, опасливо озираясь по сторонам. Честно говоря, какая-то часть Васиного сознания ещё надеялась, что на встречу с ним так никто не придёт, и он, просидев здесь ради приличия до половины четвёртого, тихонько встанет и направится домой.

На некоторое время внимание Кистенёва привлёк мужчина, сидевший за соседним столиком, тоже медленно попивавший кофе. Его лицо с как минимум недельной щетиной почему-то напомнило Василию лицо заводского рабочего, большей аутентичности образу добавляла висевшая на спинке стула старая потрёпанная куртка. Кистенёв внезапно встретился с ним взглядом и тут же отвёл глаза в сторону. Потом он засмотрелся на двух девушек, сидевших чуть в отдалении с телефонами в руках, оживлённо о чём-то болтавших, периодически показывая друг другу что-то с экранов.

Около трёх часов пополудни, времени, в которое была назначена встреча, Василий уже было, твёрдо решился позвать официанта и, рассчитавшись за три чашки кофе, уйти отсюда, подчинившись тому же странному чувству, что недавно привело его сюда. Но, именно, в этот момент незнакомец и появился.

На этот раз он без плаща, в одном пиджаке и белой рубашке, смотревшихся весьма забавно с его растрёпанными волосами и несколько помятым усталым лицом. Не сказав ни слова, он сел напротив Василия. Помедлив, словно вспоминая, что нужно сказать, улыбнулся слабой улыбкой и произнёс с всё тем же неизвестным акцентом:

- День добрый, друг мой.

- Ну... привет, - ответил Кистенёв дрогнувшим голосом, смотря на собеседника несколько боязливым взглядом.

Странник улыбнулся шире и облегчённо откинулся на мягкую спинку диванчика, заменявшего у этого стола стулья.

- Прекрасная сегодня погода, не так ли, - произнёс он кивнув в сторону улицы, где всё ещё стоял солнечный день, хотя на западе над крышами домов уже виднелась тёмная синева приближавшихся туч. - Что вам сегодня снилось?

- В смысле?

- Ничего особенного, там откуда я родом всегда принято спрашивать собеседника о том, что ему снилось, сразу после того как здороваешься, но если вы не хотите об этом говорить, то ничего страшного.

- Там откуда ты родом? - переспросил Василий явно недоверчивым тоном, но уже намного уверенней. - А откуда ты всё-таки родом?

- А вы действительно хотите это знать? Ну что ж, это длинная история...

В этот самый момент к столику подошла официантка, приятная девушка, немногим старше Василия и его друга. Странник, недолго думая, заказал пару кружек пива, вполне приличного, по мнению Кистенёва, но не из самых дорогих.

Но самое удивительное, что в ответ на просьбу предъявить документы, незнакомец неуклюже извлёк из внутреннего кармана свой паспорт и, сохраняя на лице своё фирменное невозмутимое выражение, раскрыл его перед глазами девушки. Официантка только кивнула головой и, закрыв свой блокнот, пошла дальше.

Заметив удивлённое лицо Кистенёва, Странник тут же пояснил происходящее:

– Пришлось переделать паспорт после того как ко мне на днях привязались два хмыря в форме полицейских, несли какую-то чушь про комендантский час. Странно, ваша страна ведь вроде сейчас не воюет.

Удивление на лице Василия быстро сменилось испугом.

– Так это ты напал на мусоров, ты... ты хоть понимаешь, как тебя теперь будут искать, – последние слова он произносил тихим заговорщическим голосом, сильно подавшись вперёд.

– Искать? – Странник тоже наклонился навстречу своему собеседнику, чтобы говорить шёпотом. – Кто? Эти ваши синерубашечники? Боюсь, друг мой, меня уже ищут организации куда серьёзнее и опаснее вашей так называемой полиции.

– Всё, ну на хрен, я сваливаю.

Кистенёв быстро поднялся и, небрежно кинув на стол две бумажки по сто рублей, как бы расплачиваясь за кофе, направился в сторону выхода, но не успел он пройти мимо соседнего столика, как сзади его окликнули:

– То есть, вы уже не хотите узнать, кто я и откуда свалился на Вашу голову?

Кистенёв встал как вкопанный, борясь со своим благоразумием, он посмотрел назад, на Странника, сидевшего вполоборота на краю дивана, положив руку на спинку. Заметив, что Василий остановился, тот добавил:

– Тем более пиво уже несут.

Кистенёв нехотя развернулся и присел назад, на своё место, хотя и осознавал всю бредовость своего решения. Тут же на стол поставили две кружки с пивом, как и было обещано.

- Что вы знаете о так называемых параллельных измерениях?

- То есть?

Странник слегка пригубил и, отставив кружку, он снова улыбнулся, словно ему доставляла удовольствие явная нервозность собеседника.

- Ладно, я попытаюсь объяснить вам всё при помощи имеющихся у вашей цивилизации теорий. Что вы знаете о... ну, скажем теории суперструн?

- Вроде что-то слышал, но...

- Проехали, одиннадцатое измерение?

- Какое? - лицо Кистенёва изобразило неподдельное удивление. - Их же всего три.

- Проехали, принцип квантовой неопределённости?

- Квантовой? Это как?

- Проехали.

Странник сделал большой глоток и откинулся на спинку диванчика. Потом он резко подался вперёд, положив руки на стол, раскрыв ладони в направлении Василия.

- Ну, вы же слышали про эту как её... кошку Шрёдингера?

- Может быть кота?

Этот термин он слышал как-то по телевизору и ещё раз от Семелесова. Причём как ему помнилось, как раз, когда они выпивали в этом кафе. Семелесова тогда хорошенько разнесло, и он ни с того ни с сего, вспомнив об этом злосчастном коте, чуть ли не на весь бар орал, проклиная «ТП-шниц» и «Ванилек», которые «ни черта, по-настоящему, не понимают в физике и могут пересказать только красочное описание, что они не понимают суть эксперимента Шрёдингера». Он тогда подробно объяснял эту самую суть и возможно Кистенёв бы даже из неё что-нибудь понял, если бы не нарезался тогда не меньше собеседника.

- Тогда, думаю, вы понимаете, что в одной точке пространства... - начал Странник. - В точке трёхмерного пространства может находиться больше одной частицы.

- Это ещё почему?

- Да ты издеваешься.

- Короче говоря, существуют миры, что находятся в том же месте, что и ваш в известных вам измерениях, но разделённые другим измерением вдоль которого не могут перемещаться ни свет, ни материя. И мы научились схлопывать пространство двух миров, так что в некоторых точках расстояние по дополнительному измерению сводится к нулю и путешествовать можно, передвигаясь в трёхмерном пространстве, просто перейти барьер. Ну, как-то так, хотя за подобное объяснение наши учёные меня бы линчевали: они сами могли бы рассказать всё поподробнее.

- То есть ты хочешь сказать, что пришёл сюда из параллельного мира, - эти слова из уст Кистенёва прозвучали почти как сарказм.

- По-моему, я уже сказал это прямым текстом.

- Ладно, ладно, допустим, я тебе поверил, но тогда какого чёрта ты здесь делаешь? В нашем мире.

- Боюсь, что вы тогда точно уйдёте. Или нет. Вы ведь теперь не на шутку всем этим заинтересовались. Ну как, бросите меня одного, если узнаете правду?

– May be yes, may be no, may be sun, may be snow, – Кистенёв развёл руками. – Сначала расскажи... те свою историю.

– Да, думаю, мы уже можем перейти на «ты». Ну что ж, – Странник вновь откинулся на спинку дивана, прихлебнул из кружки и, сцепив руки в замок перед собой, серьёзно задумался, решая с чего начать. – Знаете, друг мой, в чём заключается главная проблема всех империй.

– Не-а. – Василий отрицательно покачал головой. – В чём?

– Они слишком сильно любят распадаться, причём, всегда в тот момент, когда этого меньше всего ожидаешь, и когда оно меньше всего необходимо. И когда это происходит, то наиболее паршивое положение складывается у тех, кто всё это пытался предотвратить. Едва ли какая власть будет относиться хорошо к тем, кто боролся с ней, пока та ещё была сопротивлением.

– То есть ты хочешь сказать что...

– Да, орден первого знамени, личная гвардия мантийского императора, старший кандидат, змееносец, Мессеир Крейтон. В этом всё дело, просто я служил не тем людям, точнее тем, но... хотя какая собственно разница, выбора у меня по сути всё равно не было. Нас с раннего детства готовили к тому, чтобы защищать престол, но когда всё полетело к чертям, забыли спустить с цепи.

Кистенёв пристально смотрел на своего собеседника. Все звуки остального мира стихли, словно по команде, словно в кафе остались они одни, а улица за окном, всегда полная машин, опустела. Он смотрел на лицо, которое теперь будто само излучало такую горечь, перемешанную с ненавистью, что по спине бежал холодок, а вопросы: верю, не верю- показались глупыми, ибо свою выдумку так не ненавидят. Но едва ли Василий испытывал сочувствие по отношению к Страннику в тот момент.

– О какой ещё империи ты говоришь?

– О величайшей империи моего мира. Мы контролировали две трети всей суши на протяжении трёхсот лет, но всему рано или поздно приходит конец. Теперь можно спорить до бесконечности, спасли бы мы положение, задавив мятеж в зародыше или с революционерами всё-таки нужно было искать компромисс, но

какой от этого прок. Я видел, как горел Иссельдар, наша столица, как гибла армия наследного принца, более того я пытался это предотвратить... один из немногих членов нашего ордена.

Кистенёв пристально смотрел в глаза своему новому знакомому, видя, словно отражённые в них жуткие картины падения государства, о котором он никогда не знал и о котором в его мире больше никто не знает. Он видел зарево пожаров, линии окопов и отступающие войска, среди которых, выбиваясь из общей толпы взрослых, ковылял этот паренёк. На смену тишине пришли крики, грохот, отдалённые команды и пулемётные очереди, чей звук доносился из другого мира, принесённый сюда, в это мирное кафе, человеком, который, как теперь понял Кистенёв, уж точно не врал.

– Я понимаю, что говорю крайне сбивчиво, и многое вам не понятно, – продолжил Странник после некоторой паузы. – Просто, знаете ли, никогда не приходилось выстраивать все события последней пары лет в качестве статьи из учебника истории... хотя это даже забавно, было бы интересно посмотреть на такую статью и то, как эту тему будут изучать в будущем.

В этот момент Василий мог поклясться, что увидел на лице Странника улыбку, которая, впрочем, тут же исчезла. Юноше уже давно сделалось не по себе от услышанного. Он не сразу заметил, что залпом выпил всё пиво и продолжает держать на весу пустую кружку.

– То есть ты бежал в другой мир, чтобы спастись от революции?

– Многие так делали, точнее все, у кого была возможность. Поверьте на слово, оставаться там было бы большим безумием.

Странник допил содержимое своей кружки и попросил счёт. Когда они вместе расплатились, юноша поднялся со своего места и, не говоря ни слова, пошёл к выходу. Кистенёв последовал за ним.

– Я поселился в некогда заброшенном доме на противоположной стороне оврага. Если я не ошибаюсь, переулок Малый Курцевский, 14, хотя там и переулка точно нет, но если будешь искать, не промахнёшься, маленький чёрный покосившийся дом почти на самом склоне. Чуть в стороне от других. Сейчас я бы на твоём месте пошёл домой и обдумал моё предложение.

– Твоё предложение?

Они стояли на улице перед входом в кафе. Погода стремительно портилась, и тучи закрывали уже половину неба, хотя оставшаяся часть была всё той же лазурно-чистой, и солнце светило, как ни в чём не бывало, хотя к нему уже почти вплотную приблизился иссиня-чёрный край облака. Где-то вдали сверкнуло, и послышался раскатистый удар грома. Ветер усиливался и кружил над землёй облака пыли вперемешку с мелким мусором, словно подгоняемые им прохожие ускоряли шаг, стремясь попасть домой прежде, чем начнётся дождь. Оставались только два юноши, стоящие перед входом в кафе за углом, занятые своими делами, будто они находятся в своём параллельном мире, где не предвидится никакого дождя и непогоды.

– Путешествие в мир, что лежит у тебя перед носом, даже не в параллельном измерении, вот тут. Там весело, друг мой, я бы даже сказал через чур весело. Дорога туда открыта только для сумасшедших, – при этих словах странник придвинулся к своему собеседнику и перешёл на заговорщический шёпот. – Стоимость билета – один разум.

Тут у Кистенёва зазвонил телефон. Он достал его из кармана, при этом скорчив жуткую гримасу недовольства, после чего отошёл в сторону, и Странник смог услышать только: «Да, папа», «Нет, папа», – произносимые недовольным под стать гримасе тоном.

– А интересное у Вас устройство, дайте посмотреть, – попросил Странник, когда Василий уже закончил разговор. – Экран вместо кнопок, великолепно. В создании подобной техники вы продвинулись куда дальше наших учёных.

При этом юноша отошёл на несколько шагов в сторону, так что у Кистенёва даже появилась мысль: не собирается ли он убежать. Но тут вдруг его телефон вылетел из рук Странника и, медленно пролетев расстояние между ними, завис на мгновение перед лицом Василия, после чего упал прямо ему в руки.

– Это на случай, если у Вас остались какие-либо сомнения, друг мой, – произнёс Мессеир Крейтон, уже стоя вполоборота. – Идите домой и ещё раз хорошенько подумайте, а я пока займусь некоторыми неотложными делами, вы, может быть, и не замечали, но в вашем городе слишком много комаров... и других кровососущих.

После этих слов Крейтон развернулся и пошёл по улице прочь. На землю уже падали первые капли дождя, а Василий Кистенёв ещё несколько минут стоял с раскрытым ртом, смотря вслед своему новому знакомому, держа телефон в руке. И только тихим шёпотом сказал: «Значит, параллельные, мать их, измерения», – и направился домой.

Глава 5. Неисправленные ошибки

Погода за окном стояла жуткая. Ещё несколько часов назад ясное небо полностью затянуло тучами, и не прекращающийся весь вечер ливень превратил улицу в болото, где лишь в желобках по краям дороги, оставшихся от проезжавшего здесь грузовика, бежали стремительные потоки воды. То и дело вдали сверкала молния, и вслед за ней раскат грома заглушал на мгновение размеренный шум дождя за окном. После каждой вспышки маленький Антошка, сидя у окна, несмотря на все запреты матери, размеренно отсчитывал: один, два, три... пока не гремел гром, а потом, постоянно спрашивая у отца, сколько будет, если умножить это на триста. У него самого это получалось пока с трудом, но вот узнать расстояние до молнии страсть как хотелось. В это время его мать стояла у кровати сестры и, пытаясь уложить её спать, успокаивала: «Не бойся, это всё на улице, там и дождь, и ветер, а ты здесь дома, тут уютно, не то, что там». А девочка, вместо этого, лишь наоборот всё спрашивала своим тоненьким голоском: «А вдруг там кто-нибудь есть, мама, а если мне вот тут хорошо, а кто-то там под дождём, и ему плохо?» В ответ её снова заверяли, что никто не может ходить по улице в такой дождь, и все, абсолютно все, сидят сейчас по домам.

Антон временно отвлёкся на них и пропустил ещё одну молнию, осветившую в один момент комнату. Грохот на этот раз раздался уже через пару секунд, и грохнуло на славу. Мальчик даже вздрогнул, поспешно отошёл от окна, тем более что этого потребовала мать, на этот раз, именно, потребовала.

А всего через минуту раздался стук в дверь. Удары были редкими, но громкими, как будто кто-то бил по двери кулаком, вкладывая всю силу, которой у него оставалось уже немного, так как паузы были слишком большими, как если бы стучавшему каждый удар стоил большого труда.

Отец осторожно подошёл, ругаясь на каждом шагу, проклиная того безумца, что вышел на улицу в такую погоду, и чертей, которые его принесли. Он выглянул в окно, заглянув за край, глазка в двери не было. Мать только произнесла неуверенно: «Может не надо, мало ли кто...» но он не обратил внимания и, выругавшись в последний раз, открыл дверь.

На крыльце стоял человек. Молодой мужчина, которому едва ли больше тридцати. На нём был чёрный клеёнчатый плащ, под которым был виден такой же чёрный костюм и широкие штаны, заправленные в высокие, похожие на солдатские, сапоги. Его волосы не длинные, но и не особо короткие взмокли и спереди прядями прилипли ко лбу. Он стоял, чуть наклонившись вперёд, смотря безумным взглядом на хозяина дома, а в руке держал два странных предмета, похожих на короткие шпаги в ножнах. Произнеся слабым голосом с хрипотцой: «У нас принято, что незваный гость отдаёт оружие хозяину в знак доверия», – бросил клинки к ногам отворившего дверь, а точнее попросту выронил из рук. Затем незнакомец упал на колени и, согнувшись, зашёлся кашлем, прикрывая рукой рот, завалился на бок прямо у порога. Тут же из-за пазухи у него показалась мохнатая голова маленького зверька. Тот осмотрелся по сторонам и выскочил наружу, встав между своим хозяином и хозяином дома, глядя на последнего снизу, так как смотрят собаки, защищая умирающего.

Незваный гость не умер и, как видно, не собирался, но и в себя долго не приходил, бормоча всякий бред. Его положили на кровать в гостиной, сняли мокрую одежду и накрыли пледом. Только после полуночи пришелец, наконец, открыл глаза, он медленно осмотрелся по сторонам, чуть приподнял голову, прикрыл рукой лицо и тут же сквозь пальцы увидел хозяина дома, направившего на него двуствольное ружьё.

Неизвестный приподнялся повыше, так что теперь он уже сидел полулёжа и пристально посмотрел сначала на мужчину, затем на его жену, с испуганным лицом стоявшую в дверном проёме, придерживая детей у себя за спиной.

– Глупо... чертовски глупо...

– Кто ты такой? – спросил мужчина, крепче сжимая ружьё.

– Это глупость, во-первых, потому, что, несмотря на мою кажущуюся слабость, мне по прежнему ничего не стоит выбить оружие у вас из рук и свернуть вам

шею, а во-вторых, потому что мантиец никогда не причинит зла человеку, давшему ему кров и пристанище.

После этого глаза пришельца вновь закрылись, и показалось, что он снова провалился в беспамятство. словно решив воспользоваться этим, маленький мальчик спросил у своих родителей:

– А этот дяденька что бандит?

Незнакомец вновь открыл глаза и, найдя взглядом Антошку, слегка улыбнулся и сказал:

– Если бы, я состою в организации куда более ужасной, чем какая-либо банда.

– Тогда кто ты такой? – хозяин дома сделал шаг вперёд, так что ружейное дуло оказалось возле самой груди. – Отвечай, чёрт тебя дери!

– Merde! – усталым голосом воскликнул странник, едва ли говоря громче шёпота обычных людей.

Он схватился за ствол ружья и направил его в сторону, а через мгновение внезапно вскочил и подсечкой лихо сшиб хозяина с ног, вырвав ружьё из рук. После чего он едва сам не упал в бессилии, так что ему пришлось опереться рукой на край длинного стола, второй, придерживая за основание приклада ружьё, стволом упёршееся в пол.

– Я крайне благодарен вам за помощь, – произнёс он, тихим голосом, обращаясь к женщине, стоящей у двери. – Но только, прошу вас, не стоит разыгрывать комедию.

Незнакомец медленно положил ружьё и, едва стоя на ногах, опираясь рукой то на край стола, то на спинку стула, потом пододвинул его, присел боком, оставаясь как был, только в белой нижней рубашке. Поставил локоть на стол и прикрыл лицо рукой. Хозяин дома медленно встал с пола, пристально смотря гостю в глаза.

Пришелец поднял голову, посмотрел сначала на стол, накрытый светлой клеёнчатой скатертью, недоверчиво потрогал её пальцами, после чего его взгляд устремился к висевшему в углу образу. Заслышав скрежет ножек стула по деревянному полу, он резко развернулся, хозяин дома сидел напротив него.

- Ладно, парень, успокойся, мы тебе зла не желаем, ты же сам видишь, только...

- Ласкар Дененрант, оперативное крыло ордена первого знамени, личная гвардия мантийского императора.

- Что?

- Вы спрашивали кто я. Вот я и ответил на ваш вопрос...

Незнакомец вновь зашёлся кашлем, прикрыв рот рукой, а когда отнял её, хозяин заметил на ладони вязкую красную жижицу.

- Анна, принеси что-нибудь от кашля, - обратился он к жене, хотя та уже сама направилась к высокому шкафчику, стоящему в противоположной стороне комнаты.

- Не поможет, - прохрипел пришелец. - Мне уже ничего не поможет. Я должен идти, слишком мало времени. Лемевинкс!

Тут же на его оклик, откуда-то из-за угла выскочил тот самый зверёк, которого он держал раньше за пазухой.

- Куда вы положили мою одежду? - глухо спросил пришелец.

Он, шатаясь, сделал несколько шагов и вновь рухнул на колени.

- Да куда ж вы пойдёте, боже мой... - хозяйка тут же подбежала к нему и схватила за руку, думая помочь ему встать. - Да что же с вами случилось?

Пришелец не думал вставать, он только посмотрел на женщину своим безумным взглядом:

– Абсолютное безумие, – произнёс он одними губами. – За три дня они вырезали людей больше, чем мы за триста лет. Иссельдар, ах видели бы вы его во дни расцвета. Что все ваши столицы Лондон, Париж, Москва, Берлин, Петербург вместе взятые, они едва ли могли сравниться с ним по величию и той славе, что ходила об этом городе по всему миру. Три сотни лет ни одна вражеская армия и на тысячу вёрст не подходила к его стенам, и в тот день его улицы были завалены трупами, в прямом и переносном смысле слова.

Женщина уже отпустила руку и стояла рядом, с ужасом смотря на незваного гостя. Тот же, внезапно замолчав, встал и, вернувшись к своей кровати, присел на неё, сцепив руки перед собой в замок.

– Против них вывели курсантов, – продолжал он. – Когда толпы вырвались к зданию академии. Их вывели навстречу толпе. Двести парней, им роздали солдатские винтовки и поставили поперёк площади в два ряда, первый с колена, второй стоя, всё по науке, откуда-то притащили два пулемёта, никто не выжил... их просто смели, дали несколько залпов скосили первые ряды, а тех как прорвало, кто-то может быть и рад был кинуться бежать только там уже лезли с соседних улиц.

– Парень ты о чём? – обеспокоенно спросил его хозяин дома, переглянувшись со своей женой, ещё не понимая: перед ним просто сумасшедший, или всё намного хуже.

Но странник, словно не замечал его:

– Наутро они подвели к городу дирижабли, седьмой воздушный флот, полдня висели в небе, ждали приказа, приказа так и не поступило. Чёрт побери, какое это было сумасшествие, они же были готовы столицу империи сровнять с землёй, как делали до этого десятки раз провинциальными городками. Благо у императора хватило разума это остановить, а ведь многие до сих пор ставят ему это в вину.

Женщина подошла к нему и, положив руку на плечо, тихо сказала:

– Вам нужно поспать. Вам просто нужно поспать.

На следующее утро Ласкар обнаружил себя в маленькой комнатке, находящейся, судя по всему, на втором этаже дома, на что помимо вида из окна указывала форма потолка, наклонного сходящегося к средней линии по форме крыш в деревенских избах. Кровать была старая, металлическая с едва чувствовавшейся через матрас железной сеткой и железными решётками, возвышавшимися в изголовье и чуть меньше в ногах. В комнате ещё чувствовались последствия того бардака, что был здесь до того, как хозяева решили поселить здесь неожиданного гостя. Буквально в полуметре от кровати лежала гора хлама, прикрытая старым полотном, на котором сверху, словно пресс-папье, стояли старинные часы с кукушкой, а в углу возле деревянной двери стояло, пожалуй, ещё более древнее трюмо, нимало удивившее оперативника ордена, одним фактом своего нахождения в этом доме.

Внизу слышались шаги и хлопок двери вперемешку с несколькими детскими и одним взрослым женским голосом. Ласкар на мгновение замер, прислушался Лемевинкс, подбежав к своему хозяину, расположился около его босой ноги и выжидал. Заметив на стоявшей возле кровати табуретке аккуратно сложенную клетчатую рубашку и брюки из плотной ткани светлого песочного цвета, судя по всему оставленные для гостя. Одежда была явно не новой, но дырок или других недостатков заметно не было.

Он оделся и осторожно, по привычке прислушиваясь и осматриваясь у каждого угла, вышел из комнаты и спустился вниз по достаточно крутой лестнице. Внизу он оказался в маленькой комнате, где возле стены стояла прикрытая старым клетчатым пледом кровать, а в углу возле побелённой каменной печи стояла сложенная раскладушка. В другом углу находилась тумбочка, на которой стоял странный прибор похожий на чёрный куб, слегка сужающийся к задней грани, имея на противоположной стороне чуть выпуклое серое стекло. До попадания в этот мир Ласкар слышал, что подобные устройства есть здесь практически в каждом доме и являются чем-то вроде радио передающего вместе со звуком ещё и изображение, и всем бойцам ордена предписывалось не использовать его вследствие опасного воздействия на рассудок. Также как-то вскользь упоминалось, что эти приборы используются правительствами местных государств для пропаганды, имеющей поистине невероятное воздействие на население. Хотя сам Ласкар в эти предупреждения верил не особо, он уже достаточно разочаровался в людях, чтобы считать, что они могут оскотиниться и без помощи новейших технологий коммуникации.

В соседней комнате, намного большей по размеру, где, как понял Ласкар, его положили вчера, у стены стоял диван, а в углу противно жужжало ещё одно устройство, вертикально поставленный белый параллелепипед, с двумя дверцами и та, что сверху была намного меньше нижней. В центре комнаты, как и вчера, располагался длинный стол и несколько стульев рядом с ним. В этой-то комнате и находилась сейчас большая часть семейства, вернувшегося, как понял Ласкар, из церкви, мать и четверо детей, ещё один мальчик, судя по всему, уже убежал в ещё одну третью комнату. Женщина была в белом платке на голове, она стояла посреди комнаты и, держа за руку, за что-то отчитывала своего сына лет пяти-шести, но, заметив гостя, тут же остановилась и пристально посмотрела на него с тем нерешительным лицом, что бывает у человека, когда он никак не может определиться, стоит ли ему бояться или нет. Дети так же уставились на него, но на их лицах читалось скорее любопытство, нежели страх.

– Вам уже лучше? – не то спросила, не то констатировала женщина. – Мы сейчас будем обедать, вы к нам присоединитесь.

– Почту за честь, – ответил Ласкар, медленно двинувшись навстречу, одновременно взглянув на настенные часы удивлённый словом «обед».

На стол накрывала мать, которой помогали старшие дети: девочка и мальчик, единственные, кому среди детей этой семьи можно было дать больше десяти лет. Все остальные, словно стеснённые присутствием гостя или сидели, или стояли неподвижно, время от времени, украдкой поглядывая то на незнакомца, то на диковинного зверька, всюду его сопровождающего.

– А кто это такой? – спросил один из мальчиков, которого как понял Ласкар, звали Антоном, указывая на Лемевинкса.

– Это мангуст, северо-ситорийский мангуст, единственное существо способное выжить в схватке с угольным аспидом и единственные из своего вида имеющие достаточно длинные зубы для... – странник внезапно осёкся.

– Для чего?

– Тебе лучше не знать.

Когда на столе уже стояли семь тарелок с супом, над которыми вился едва заметный пар, и дети начали подбегать к своим местам, Ласкар тоже подошёл к столу выбрав стул рядом с местом во главе.

– Вот возьмите это, – произнёс Ласкар, кладя на стол две золотые монеты, с изображениями какого-то мужчины в профиль на реверсе и на аверсе поднявшимся на задние лапы драконом. – Здесь по двенадцать граммов золота, почти унция, оно благо ценится во всех краях.

– Уберите это, немедленно, мы помогли вам не ради...

– На пайке из гордости долго не проживёшь, лучше возьмите, помогите ещё раз, дайте хоть в последние дни жизни совершить доброе дело помимо исправления собственных ошибок.

Женщина осторожно взяла монетку, повертела её в руках и посмотрела на Ласкара взглядом полным неподдельного изумления, и произнесла одними губами: «Так это правда».

– Ваш муж сейчас на работе?

– Он в городе ищет работу, здесь больше ничего не осталось, было раньше небольшое хозяйство, да и оно разорилось, целый год почитай с огорода и кормимся.

– У вас здесь ещё и работу не найдёшь что ли, – усмехнулся Дененрант.

– В вашей стране нет безработицы?

– Ну, уж чего-чего, а работы в Мантии на всех хватает, и обычно находит она человека, а не наоборот.

– Мантия? – спросила старшая девочка, при этом сделав ударение на первый слог, типичная ошибка. – Где это?

– Мантия, – сделав ударение на «и» поправил её Ласкар. – Считайте что это просто очень далёкая страна.

- Дальше чем Япония? - вдруг спросил один из мальчиков.

- Намного дальше.

- И дальше чем Австралия?

- Ещё дальше.

- И дальше чем Антарктида?

- Ну, вот где-то там рядышком.

Мальчик улыбнулся к тому моменту, уже всё семейство, кроме своего главы, собралось за столом. Когда некоторые из детей уже схватились за ложки, то были внезапно остановлены укоризненным взглядом матери.

- Прежде чем есть, нужно сначала помолиться, вы забыли?

Мальчики виновато уставились в тарелку.

- Так вы значит верящие, - угрюмо произнёс Ласкар, зачерпнув из тарелки.

- А вы атеист?

- В наших краях люди вовсе не выдумывают никаких богов, и, честно говоря, не понимаю, зачем они понадобились вам.

- Не говорите так, - строго произнесла женщина. - Вы можете, конечно, не верить, но откуда вам знать наверняка, что бога нет. Вы никогда не сможете это доказать.

- А оно мне надо? - Дененрант вдруг поднял взгляд и пристально посмотрел в глаза женщине. - Высший разум, создавший этот мир и контролирующий всё в нём, раздающий каждому по заслугам и верности его законам, знающий всё о всех, - гость грустно усмехнулся, - неужели людям мало земных тиранов. Не знаю, видимо, люди людям рознь.

- Вы не понимаете, он не тиран, - вдруг сказала девочка.

- А кто же?

- Он... он наш спаситель?

- Да и кого же он может спасти?

- Всех, кто уверует и обратится к нему с искренней любовью и покаянием.

На лице солдата ордена на мгновение блеснула тень улыбки, после чего он сложил руки у края стола и опустил взгляд, смотря не то на них не то к себе в тарелку. Дети внимательно уставились на него, едва ли до конца понимая, о чём говорит этот странный человек и чем он так сильно опечален.

- Дело в том что, по сути, я верю в другое, юная леди. В то, что каждый должен в конце пути рассчитаться и бессмысленно пытаться смыть со своих рук кровь, ставя свечки и отвешивая поклоны, - на время он замолчал. - Я страшный человек и мне недолго осталось, но я знаю, что не умру, пока не исправлю главную ошибку своей жизни.

Гость достал и положил на стол чёрно-белую фотографию, на которой анфас был запечатлён юноша, стоящий по стойке смирно, сфотографированный, словно на паспорт, он был одет в странную форму, похожую на военную, но без погон и отличительных знаков.

- Кто это?

- Всё, что вам нужно знать о нём, так это то, что это редкостный отморозок и смертоубивец, верный слуга императора. Теперь он словно бойцовый пёс, лишившийся цепи, он умеет убивать и выживать и самое страшное способен повести за собою людей, ибо люди слишком часто считают силу и волю достаточными качествами для избрания нового вождя, и поэтому я должен его остановить, пока ваши города не превратились в Иссельдар.

- То есть он... - женщина с ужасом посмотрела на фотографию. - А вы...

– А я был его учителем.

Глава 6. Алексей Семелесов

Пустая на три четверти бутылка виски оставалась на столе, и резкий запах табачного дыма стоял в помещении, освещаемом тусклой лампой под потолком. Юноша лет шестнадцати сидел на стуле, откинувшись на спинку, подложив ногу под себя. На нём была расстёгнутая белая рубашка и строгие чёрные брюки, при том, что сидел совершенно босой, что единственное вместе с отсутствием пиджака отличало его вид от того, что он имел сегодня на занятиях в школе. Из соседней комнаты тихо доносилась «Гибель богов» Вагнера, выбранная на сегодня, как впрочем, и все последние дни, скорее благодаря названию и либретто чем звучанию. Голову юноши занимали путавшиеся мысли о несовершенстве мира, тщетности его жизни и непонимания собственных желаний, которые должен был скоро вытеснить алкоголь, оставив только грусть, которую некоторые люди называют приятной и которая для него являлась единственной отрадой во всей жизни, ибо в счастье он уже не верил. Но сейчас он мог наконец-то забыться, рассчитывая, что завтрашний день пройдет иначе, а не так как...

Как выглядел бы типичный день Алексея Семелесова, если бы он не боялся того, что мамка даст ему люлей, когда узнает что он пил виски, и если бы он смог это виски купить в одном из соседних магазинов. А потому, лишённый возможности даже саморазрушаться по-человечески, он просто сидел за компьютером. Это не являлось для него ни работой, ни случайностью как у человека, решившего проверить почту: это было его нормальным состоянием. Он постоянно пытался вырваться оттуда и заняться чем-то ещё, но словно неведомая сила затягивала его обратно и сажала перед монитором, а возможно и наоборот отталкивала из внешнего мира. Единственными его регулярными занятиями, кроме этого, были чтение книг из набранной им самим разношёрстной библиотеки и хождение по комнате вперемешку с лежанием на диване с составлением, тысяч миров и обрушиванием их во прах в его разуме, работавшем вхолостую и оттого стремящемся занять себя хоть чем-нибудь, дабы не взорваться, словно двигатель стоящей машины, запущенный на полные обороты.

Однако в тот день всё было несколько иначе. Сам Семелесов был немало удивлен, когда прошлым вечером ему неожиданно позвонил Кистенёв, во-первых, потому что Кистенёв телефоном практически не пользовался, предпочитая переписку в социальных сетях, а значит, повод определённо был важнее очередного похода в «Westbar», а во-вторых, сам предмет разговора оказался и вправду весьма необычным. Василий неожиданно серьёзным и возможно даже напуганным, хотя за последнее Семелесов бы не поручился, он вообще редко когда видел Кистенёва напуганным, настаивал на том, чтобы познакомить Алёшу с каким-то своим новым другом. Причём, именно, что настаивал, и даже когда Семелесов попытался отмазаться, заявив, что должен оставаться дома, Кистенёв предложил зайти к нему домой, чего не делал отродясь.

Так что гостей Семелесов ждал с нетерпением, с тем самым нетерпением, когда хочешь от чего-то поскорее отделаться, чтобы не чувствовать гнетущее ожидание. А потому, когда в дверь, наконец, позвонили, то Алексей тут же быстро но безрадостно бросился открывать, на ходу натянув майку, за ненужностью обычно не одеваемую им дома. Он не стал задерживать гостей на пороге, предпочитая сначала впустить их в дом и уже там поговорить, тем более что Кистенёв против обыкновения вёл себя крайне молчаливо, и не бросился сразу жать руки и изображать из себя правильного пацана, что всегда выглядело крайне комично.

Новый друг Кистенёва удивил его сразу, прежде всего своей одеждой, чёрной рубашкой и пиджаком странного покроя. Сказав всего пару слов, хозяин пригласил гостей в гостиную, и дальше к себе в комнату, где уселся на стул возле окна в дальнем конце узкого прохода между диваном и шкафом с одной стороны, стеллажом и письменным столом с другой. На последнем ещё лежали тоненький сборник рассказов Чарльза Робертса в одном углу и святое Писание с Молитвословом в другом. А на полках стеллажа вперемешку стояли как классики, которых проходят в школьной программе так собранные в стройные ряды томики Глена Кука и Аберкромби соседствовавшие с трудами Маккиавели, Альфреда Адлера, Ильина, толстым собранием сочинений Лавкрафта и несколькими книжками из современной российской фантастики, которой ныне завалены полки большинства книжных магазинов.

– Значит, я думаю, что мой друг уже рассказал вам обо мне, – произнёс Семелесов голосом не столь уверенным, как хотелось бы ему.

Незнакомец медленно присел, напротив, на стул, стоявший около двери, возле которой остался стоять Кистенёв. Тут только Семелесов обратил внимание на странный взгляд гостя. Невероятно сосредоточенный, слегка исподлобья, быстро уходящий в сторону и тут же возвращавшийся в одну конкретную точку, которой, похоже, был сам Семелесов, словно бы юноша оценивал количество врагов в предстоящей схватке.

– Вы правы, – произнёс незнакомец, удивив «хозяина» уже обращением на «вы». – Если то, что я сумел представить о вас на основании этих рассказов, правда, то думаю, вы подходите мировоззрением.

– Мировоззрением? – усмехнулся Семелесов, хотя усмешку свою он постарался тут же спрятать. – Может быть, сначала хотя бы представитесь.

– Согласен, думаю к делу пока переходить рано, наш случай не из тех, когда промедление подобно смерти, – сделав паузу, гость полез в карман своих брюк и выудил оттуда небольшую серебряную монетку, поддев её большим пальцем, он кинул её Семелесову. Тот в свою очередь поднял руку вверх, попытавшись схватить ту в полёте, но опоздал, и монетка, стукнувшись о тыльную сторону его ладони, упала на ковёр, заставив поднимать себя с пола, и когда Алексей, наконец, осмотрел её, весьма удивившись, то незнакомец добавил. – Это чтобы избежать в дальнейшем глупых и банальных вопросов относительно того, почему мне нужно верить, понимаете ли, не люблю, когда меня принимают за идиота, даже непродолжительное время.

– Кто вы такой?

– Распространённый вопрос, но боюсь, что моё имя будет звучать слишком странно, а название организации, в которой я служил, будет вам незнакомо, так что пока зовите меня просто Странником.

– Странником? Не через чур ли банально.

– А мне сейчас нет нужды оригинальничать.

– Сколько вам лет хотя бы.

– Я не столь молод, чтобы не видеть впереди смерть, но и не столь стар, чтобы не видеть впереди ничего кроме неё.

– Вот как, – произнёс Семелесов, – ну что ж закос под Шекспира засчитан. Значит, кое-что из литературы нашего мира вы прочитали.

– Разумеется, хороший способ узнать побольше о мире, куда попал, хотя и не идеальный.

Тут уже Семелесов понимал, что его начинает нести, он понимал, что дело вырисовывается крайне интересное и стесняться сейчас не время, да и этот тип, приведённый Кистенёвым, явно был не из той категории людей, с которыми можно было поговорить только о том, кто у кого, до какой степени нарезался. Так что вместо того чтобы сидеть и отмалчиваться, делая вид будто он на самом деле вовлечён в беседу, сейчас Семелесов перешёл сразу к делу.

– Ну и какие же книги вы читали?

– Разные. У вас, друг мой, кстати, неплохая библиотека, как я посмотрю.

– Ну да, ну да. А «Некрономикон» вы в оригинале читали?

– «Некрономикон», – Крейтон прищурился. – Ну конечно.

Теперь прищурился и Семелесов, одновременно улыбнувшись той дьявольской злорадной улыбкой, которая появляется, когда подловил кого-то и теперь имеешь полное право его морально уничтожить.

– Ну конечно же читал, – продолжал Крейтон, – мне даже удалось побывать в славном городе Мискатонике и посетить его небезызвестный университет, где я лично посмотрел на Тот Самый Экземпляр.

Выражение лица Семелесова быстро изменилось, он резко сел прямо, хлопнув себя по коленям, и, посмотрев на Кистенёва, похоже не понимавшего что здесь происходит, радостным голосом воскликнул: «Чёрт возьми, где ты его откопал!». Он вышел из комнаты быстрым шагом, оттолкнув Василия, и тут же вернулся с бутылкой «White horse», где оставалась примерно треть содержимого, и двумя

рюмками.

- Would you like? – спросил Семелесов у Крейтона, покосившись на бутылку.

- Why not, but only a few. I have one business tonight, – ответил Крейтон, вставая и подходя к столу.

- Speaking English?

- Yes, English, Deutch, France and Spain.

- But not Arabic. So, how can you read «Necronomicon» in original, – Семелесов, уже наклонивший бутылку, чтобы налить своему новому другу, быстро поднял её горлышко обратно вверх, всё ещё держа саму бутылку навесу.

- Some things mustn't know everyone, who values his undead soul, – ответил холодным голосом Крейтон, взглянув прямо в глаза собеседнику.

Семелесов тут же плеснул ему, при этом ошарашено смотря в глаза Крейтому. Именно не налил, а плеснул, так что несколько капель подлетели вверх и упали на стол рядом. После чего он снова воскликнул «Чёрт возьми, Кистенев, где ты его нашёл! Это же моя коронная фраза!». Здесь следует упомянуть один факт о Семелесове: из своих книг он время от времени выбирал цитаты, которые впоследствии постоянно использовал в подходящих ситуациях. Например, когда его друзья звали в качалку, мать требовала заставить учиться или хоть кто-то говорил хоть что-нибудь каким-либо образом связанное с саморазвитием, он с должной интонацией твёрдо отвечал: «Саморазвитие это онанизм, саморазрушение – единственное, ради чего стоит жить». Или, когда кто-то задавал вопрос, на который Семелесову не хотелось отвечать, он просто принимал соответствующую позу и заговорщическим голосом отвечал: «Есть вещи, которые не стоит знать никому, кто хоть немного дорожит своей бессмертной душой».

- А вы знаете какие-нибудь ещё языки кроме русского и английского? – спросил Крейтон.

– Ну, разве что немецкий, на уровне нацистских лозунгов, – усмехнулся Семелесов.

– Так у тебя дома было... – Кистенёв замер, указывая пальцем на бутылку.

– Разумеется, только в отличие от некоторых я же не такой дурак, чтобы кому-то об этом рассказывать, ты как никто другой меня поймёшь. А так незаменимая вещь при особенно отчётливо осознаваемом чувстве ненужности и при сильном катарсисе. Здесь мне всё равно скоро придётся покупать новую и отпивать до нужного объёма.

Кистенёв подошёл ближе к столу, возле которого, держа рюмки на весу, стояли Семелесов и оперативник ордена первого знамени, при этом попеременно смотря то на Алексея, то на бутылку, стесняясь сказать, но при этом, не понимая, что происходит.

– Тебе не положено, – сразу отрезал Семелесов. – Ты «Некрономикон» в оригинале не читал.

– Ну, понятно, что в переводе, но...

– Что? – Семелесов, хитро улыбнулся и переглянулся с Крейтоном. – Да! Да! Да!

Алексей тут же поставил рюмку и, сжав руки в кулаки, тут же стал трясти ими над головой, как болельщик перед телевизором, когда его команда забила гол. Он подскочил к Крейтону и обнял его, похлопав по спине.

– Наконец-то, наконец-то я его подловил, чёрт возьми, я не знаю кто ты, но как же я тебе благодарен! – продолжал он, отпустив Мессеира.

После этого они выпили. Крейтон едва сощурился, что полностью соответствовало его профессии, зато у Семелесова было такое лицо, словно его ударили ножом в живот.

– Думаю теперь можно перейти на «ты» не так ли?

– Разумеется, – ответил уже пришедший в себя юноша, присаживаясь на диван.

– Тогда... что вам сегодня снилось? – спросил Крейтон, встав около письменного стола, прислонившись к его краю.

– Да как всегда, бред всякий, будто... – начал Семелесов, но вдруг осёкся. – Стой, а тебе это зачем?

– У них так всегда принято при встрече, – вставил слово Кистенёв.

– У вас... принято... спрашивать, что снилось ночью, – Семелесов указывал на Крейтона при этом, смотря так, словно не верил своим глазам. – Возьмите меня с собой.

– Не думаю, что тебе у нас понравится. Да и к тому же я сам испытываю некоторые трудности относительно возвращения домой, именно, поэтому я пришёл сюда, чтобы обратиться за помощью.

– За помощью?

– Вася, я давал тебе папку при встрече.

Кистенёв сначала нахмурился, но потом тут же взял в руки свой рюкзак и достал оттуда прозрачный файл с бумагами. А дальше файл выскользнул из его рук, и, проплыв через всю комнату, упал на диван рядом с Семелесовым.

– Как! – вскрикнул Семелесов, подпрыгнув как ошпаренный, отстраняясь от бумаг, потом посмотрел исподлобья на Крейтона, благоговейно произнеся. – Телекинез.

– В нашей организации учат подобным вещам, но не дай бог кому-нибудь из вас обучаться подобному, поверьте мне оно того не стоит.

– Да что за организация такая?

– А я ещё не сказал, – Крейтон удивлённо посмотрел на Кистенёва, а потом опять на Семелесова. – Орден первого знамени: личная гвардия императора, госбезопасность и контрразведка в одном флаконе.

– Охранка? А почему первого знамени? – удивлённо спросил Алексей.

– Первым знаменем у нас называют знамя императора, раньше при построении войска подле него всегда находились отборные солдаты, защищавшие государя, потом всё это разрасталось, разрасталось, и превратилось в организацию с собственной многотысячной армией и секретными базами по всей стране, подотчётной только императору.

– То есть возле императорского знамени, – Алексей пристально посмотрел на пришельца, слегка прищурившись. – Лейбштандарт!?

– Вроде того.

– Что в этих бумагах?

– Посмотри сам.

Семелесов осторожно достал бумаги из файла и принялся тщательно их рассматривать, и на лице его тут же отобразилось крайнее изумление, переходящее в настороженность и опаску.

– Что за...

– Это заключение судмедэксперта, протокол вскрытия и тому подобное, в общем, ты понимаешь, в чём дело. Две колотые раны в области шеи крайнее обескровливание тела.

Семелесов поднял глаза и пристально посмотрел сначала на Крейтона затем на Кистенёва, стоявшего неподвижно, явно не намереваясь вступить в диалог, после чего взгляд юноши вновь зафиксировался на пришельце. Семелесов нахмурился, сел прямо и ещё раз не то осмотрелся по сторонам, взглянув на своего старого друга, не то, покачал головой, не веря в происходящее.

– Это безумие, – произнёс он, словно преступник, против которого предъявили неопровержимую улику.

– Разумеется, безумие, зачем иначе бы я пришёл сюда.

– Подожди, Вася, вы надо мной что прикалываетесь, это ведь прикол какой-то, – произнёс Алексей, при этом смотря на Кистенёва, раскрывая рот в безумной улыбке и видя в ответ лишь отрицательное покачивание головой.

– Вампиров же не существует.

– Отчего ты так уверен? Вам знакомо понятие «критерий Поппера» обратное следствие, тезис о существовании чего-либо не является научным, следовательно, не может быть потенциально опровержим. Но, тем не менее, ты говоришь так уверенно, будто всё уже доказано и определено.

– Два слова «Чайник Рассела», бремя доказательства лежит на утверждающем. Нельзя просто так объявлять любое сверхъестественное явление существующим только потому что нельзя доказать обратное.

– Сверхъестественное, что за дурацкое слово, – Крейтон хлопнул себя по коленям и, отойдя от стола, встал возле окна, бросив взгляд на улицу. – Неужели вы уже так хорошо исследовали всё естественное, что можете определить его границу. Боже мой, Алексей, я же не прошу тебя верить на слово всему в этом мире, но ты можешь хотя бы допустить, что горизонт это не край мира.

– Но сейчас-то я должен тебе, именно, поверить. А ведь я знаю о тебе только то, что ты и вправду человек необычный, но понятие необычный определяет отклонение в обе стороны, что если ты какой-нибудь чернокнижник или иное злобное существо, коим обычно матери пугают своих детей, а не просто белый эмигрант из параллельного измерения.

– Почему? – Крейтон резко обернулся и посмотрел на Семелесова. – Ты спросишь, почему я не доказываю обратное твоим словам. – Он наклонился, продолжая смотреть прямо в глаза собеседнику, и перешёл на громкий шёпот. – Да потому что я куда хуже чем те, о ком ты говоришь и там откуда я пришёл нами пугали не только детей. Но какое всё это имеет значение, ты же ведь всё равно принял решение.

– Не понял.

– Тебе всё равно нечего терять Семелесов, что я смогу у тебя забрать кроме твоей жизни, которую ты ненавидишь, а? Разве что твою бессмертную душонку, за которую ты так лихорадочно цепляешься, так не беспокойся, мне она без надобности, я даже не верю в её существование.

Крейтон выпрямился и прошёл мимо Кистенёва в гостиную, только там обернувшись и произнеся напоследок.

– Ты ведь так здесь и останешься Воскресенская 12?

– Да, – ответил Семелесов неуверенным голосом, медленно вставая с дивана.

– Тогда я вас найду.

– А как же монетка?

– Пока что оставьте себе.

Хлопнула входная дверь и в квартире остались только Кистенёв с Семелесовым. Они сначала пару минут стояли молча. Алексей медленно подошёл к окну в гостиной и посмотрел на улицу. Находясь в тени облака дома и асфальт снаружи казались особенно серыми при том, что погода явно была хорошей и даже солнечной. С короткими интервалами проезжали в разные стороны машины и пешеходы медленно брели по своим делам, как и всё время до этого, когда Алексей Семелесов выглядывал в окно.

– Что ты думаешь о нём? – раздался голос Кистенёва.

– Я бы на твоём месте лучше подумал о нас двоих.

– Лёха, я вот о чём. Я сам не понимаю, что происходит. У тебя такого никогда не было: когда тебе что-то кажется глупым, но при этом ты понимаешь, что так тебе только кажется, а?

– О, Вася, если бы ты знал, постоянно только обычно всё наоборот, я сначала что-то делаю, а потом думаю: твою мать, Семелесов, ну какого чёрта ты натворил, но это ладно. А на счёт него, он тот, кто нам нужен. Без него, Вася мы никогда

бы не пересекли эту черту и не узнали о существовании иных краин куда теперь думаю, мы вместе с ним и отправимся.

– Каких ещё краин?

– Где капитана с ликом каина легла ужасная дорога, – ответил Семелесов, смотря на аверс серебряной монетки, на котором был изображён поднявшийся на задние лапы геральдический дракон.

Глава 7. Приемлемая цена

На улице стояла прекрасная погода. Редкие облака, представляясь с земли то кораблями, то диковинными зверями медленно проплывали по небосводу. Солнце светило жарко, но при этом не создавало зноя на улице и порывистый ветерок, столь же благословенный в летний день, сколь проклинаемый в зимний, время от времени обдувал прохожих, ещё более ослабляя отталкивающие свойства жары. Солнце же медленно но верно клонилось к закату и скоро должно было и вовсе скрыться за стоявшими со всех сторон серыми панельными домами, оставив за собой только очередной душный майский вечер уже ничем не отличавшийся от летнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bekesov_georgiy/tropik-kozeroga

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)